

После школы в субботу интернатские дети разъезжались по домам. К родным разъездам, станциям, полустанкам, блокпостам школьников развозила «матаня» — паровоз с тремя прицепными вагонами. В пятидесятые годы прошлого столетия школы, даже начальные, были не везде, и районный железнодорожный интернат собирал учащихся со всего протяжения. А это — более сотни километров. Вагоны были деревянные, скрипучие, — последние свидетели царской государевой дороги, доживающие свой век на второстепенных направлениях. Каждое купе разделяли распашные деревянные дверцы. Чтобы пройти через вагон, приходилось распахнуть их не менее десятка. Ребяшня, толкая друг друга, с визгом и шумом заскакивала в вагоны. Каждый торопился быстрее занять верхнюю третью полку, расстелить ветхое пальтишко, бросить под голову сумку или холщовый мешок с тетрадами да учебниками и под перестук чугунных колёс, блаженно развалившись, покачиваясь, ехать до дому в ожидании горячих пирожков и шанежек, которые к твоему приезду напекла мама.

¹*Аналой — высокий столик с покатым верхом, для исповеди православных.*

Шестиклассница Женя Якушева, резвая долгоногая девочка с круглым веснушчатым личиком и русой косой, в которую неохотно вплетались кудряшки волос, шустро забежала в вагон, взобралась на верхнюю полку и, вполне счастливая, стала заботливо и аккуратно готовить лежанку. Стоя на коленях под потолком, ещё раз Женя поправила подушку из учебников, довольно улыбаясь, подняла голову оглядеться, как в этот момент жгучей осой ударила по щеке алюминиевая пулька, загнутая скобкой из проволоки. Женя инстинктивно прижала ладонь к больному месту. С запечатленной на какое-то время улыбкой, повернула лицо в сторону распахнутой двери, окинула растерянным взглядом верхние и нижние полки и, никого среди ребят не заподозрив в подлом действе, страдальчески скривила губы, уткнулась лбом в подголовник и, часто вздрагивая плечиками, беззвучно заплакала.

Стрелявший из рогатки Лёнька Зубков набок, по-куриному, свесил голову, как будто он ни при чём, боковым зрением видел всё происходящее с Женей. Ему вдруг сделалось не по себе, подумалось: «А если бы попал в глаз?» Страшно-то как! Пакостливая бездумная удаля, наполняя душу, тотчас обернулась мучительным чувством гадливой трусости. Он крадучись огляделся, после чего немного успокоился, — похоже, никто не видел.

Вскоре всё это забылось, хотя при неизбежных встречах с Женей в школьных коридорах он виновато опускал глаза и отворачивался. По окончании семилетки они разъехались и более не встречались.

2

После школы Лёнька поступил в военное училище. Однажды, когда учёба уже шла по четвёртому году, курсантов навестили студенты педагогического вуза, пришли поздравить с Днём Советской Армии. Был праздничный обед, были танцы. Курсанту Леониду Зубкову приглянулась одна студентка, которую он тут же пригласил на танец. Через пару шагов лихо повёл её и, сам от себя не ожидая, закружил по залу так, что туфли синеокой девицы едва касались пола. От испуга рука студентки намертво до онемения вцепилась в рукав аккуратно отглаженного френча. По окончании вальса курсант, неловко извиняясь, с трепетом разжимал изящные пальчики оторопелой незнакомки.

Вскоре они поженились, а спустя полтора года бравый лейтенант Зубков стал отцом семейства. Родилась дочь, в которой, как говорится, не чаял души.

Как-то, укладывая на ночь дочурку, поправлял в кровати подголовник, и всё бы ничего, да только, ни с того ни с сего, вспомнилась беззвучно рыдающая на вагонной полке Женя Якушева. Казалось, затёртое бытом и временем чувство, порождённое хулиганским поступком в далёкой юности, навсегда забыто и похоронено, зачем-то снова душевной занозистой болью заявило о себе, оказалось рядом и невольно примерилось на дочь. Не отмахнуться, не спрятаться. Тут-то и вырвались слова, которые в детстве Лёня слышал от матери: «Не приведи, Господи!»

Известно, что жизнь военного кадровика подчинена уставу и силе приказа. Гарнизонные будни офицера Зубкова сменялись фронтовыми, места мирного отдыха — местами армейских дислокаций и горячих точек. Где только при исполнении войсковых заданий ни довелось побывать за время службы советскому, а позднее российскому офицеру Леониду Зубкову. После ранения, уже в госпитале, когда находился на грани между жизнью и смертью, почти пошагово до мельчайших подробностей прошла перед ним, точно прокрученная кинолента, его вой-

сковая жизнь, из которой более всего память обозначила случай, произошедший в первую чеченскую кампанию.

3

— Командир, глянь красотища-то какая! — водитель бронетранспортёра ефрейтор Макуха надавил на тормозную педаль, машина остановилась. Над горизонтом в сизой туманной повилке, в белой шапке и зеленеющих примыкающих к ней хребтах и склонах, заслоняя собою полнеба, неприступно и грозно сквозь дымку раннего утра проявилась громада Казбека. Казалось, от самой её подошвы в лучах восходящего солнца заиграло, замеджило алое море тюльпанов. Ошарашенные невиданно грозной красотой Кавказа, позабыв о войне, из «броников» высыпали бойцы.

— Вот это да! У нас на Байкале всё больше жарки, ромашки да слепота куриная, а здесь тюльпаны, — удивлялся Макуха, широко распахнув глаза.

— И много-то как! На рынок бы настричь к женскому дню, — вторил рядом стоящий восемнадцатилетний призывник.

— А Казбек, гляньте, совсем не такой, как на коробке с папиросами. — Наперебой восхищались бойцы, каждый по-своему.

От бронетранспортёра по малой нужде отошли два солдата срочной службы, призванные в армию из одной деревни. Буквально через минуту, прервав мирную стихийную передышку, по ним сухо, как бич пастуха, щёлкнул выстрел. Боец Непомнящих, взмахнув руками, ткнулся лицом в ноги стоящему перед ним другу. Тот обернулся и, упав на колени, толком не понимая, что произошло, стал поднимать и трясти за плечи земляка, голова которого, безжизненно обвиснув, болталась из стороны в сторону. И только команда: «По местам!» вернула солдата к происходящему. Подхватив убитого друга под мышки, поволок к машине, страдальчески уговаривая: «Только не умирай, только не вздумай умереть, что я потом скажу матери».

Вскоре броники на предельных скоростях, подминая и расшвыривая по сторонам тюльпаны, неслись в сторону выстрела.

Остановились перед взгорком недалеко от крайней ветхой сакли небольшого аула. Возле ограды ходила сутулая, похожая на старуху женщина. Собирала под деревом сухие прутья. У капитана Зубкова одинокая старуха в длиннополой полотняной накидке подозрений не вызвала, уже хотел было подать команду к дальнейшему передвижению, как к нему обратился Макуха: «Командир, погодь» и быстрым шагом направился к старухе. Подойдя ближе, поздоровался. Старуха на приветствие не обернулась, продолжала молча собирать прутья. Когда в очередной раз нагнулась за хворостиной, боец подлетел и резким движением сдёрнул с головы платок. Вместе с платком в руке оказался парик пепельного цвета. Женщины инстинктивно прикрыла ладонями крутолобую, коротко остриженную голову.

— Что, постигонка, замаскировалась! — молниеносно ударил ребром ладони по шее. Представительница женского пола, обмякнув, повалилась. При падении задралась полы накидки, и обнажились белые колготки.

— Я за ней, товарищ командир, ещё издали заприметил: не по-старушечьи порою резво нагибается, — волнуясь, с придыханием доложил подбежавшему капитану. К этому времени белоколготочница пришла в себя и уже стояла в окружении солдат, которые с брезгливо презрительным любопытством разглядывали её. На

бойцов колко исподлобья, брызнув медью глаз, с ехидной насмешливостью глядела девица, будто говорила: ничего вы со мной не сделаете. И всё-таки, розоватая побежалость по смуглому обветренному лицу кавказской пленницы выдавала волнение. Когда же в овчарне в тайнике под кучей хвороста нашли снайперскую винтовку с восемью рисками на прикладе, её лицо исказил звериный страх. Она съёжилась и побледнела. Взрыв негодования разом встряхнул бойцов, которые в этот момент готовы были порвать белокологотчицу на куски, тем более выяснилось, что снайпер — славянка из Белоруссии, стреляла за «бабки», и только вмешательство командира на время осадило мстительный порыв команды: «Надо судить по закону» — капитан пригвоздил пленницу взглядом. Но один из бойцов возразил:

— Товарищ капитан, Вы это о чём? Какой закон? Какие суды в наше время? Ещё, чего доброго, за «бабки» и оправдают. Расстрелять и дело с концом!

— Не жирно ли будет, — раздался другой голос, — на предателя патрон трать, повесить! И в овраг на съедение собакам бросить.

Бойцы, поддерживая вердикт, единодушно громкоголосо согласились. К ногам уже кто-то бросил моток капроновой ленты, когда поступило предложение от кровного земляка погибшего, который дрожащим, приглушённым слезой голосом возразил:

— А что я скажу его родителям, повесили? Не, братцы, не пойдёт. Мы с детства вместе росли, ходили в школу, от призыва не косили, не бегали, пошли служить. До ветра тоже вместе пошли, и пуля предателя досталась ему, не мне, хотя до ветра позвал его я. — Лицо бойца, девятнадцатилетнего солдата, не по годам сделалось невозмутимо скованным, тихо, почти шёпотом, разрывая вакуум гробовой тишины, которая образовалась в батальоне, он повторил: — Не, братцы, порвать брониками!

Тут медноглазая хозяйка белых колготок почувала, что ей конец, иступлённо дрожа всем телом, глядя на офицера, взмолилась о пощаде, но капитан Зубков понимал, что это не тот случай, чтобы идти против вверенных ему бойцов, обратил окаменевшее лицо в другую сторону. Также не услышанными оказались и призывы о милосердии к рядовым срочной службы. Упав к ним в ноги, облизывала берцы, не помогло. Последнее, что она могла услышать, было: «Макуха, трогай!».

После этой командировки майор Зубков, повидавший и испытанный всякого (хватило бы на десятерых), долго не мог адаптироваться. Самочинная казнь наёмного снайпера — девицы в белых колготках — не давала забыть, то и дело возникала перед глазами. Уже в госпитале навестившей его дочери (с женой к тому времени уже был в разводе, не вынесла гарнизонной жизни и частых переездов) наказал принести нательный крест, Евангелие и молитвослов.

Однажды во время трагической ситуации на локальной войне капитану Зубкову пришлось сокрушённым сердцем, как-то само собой получилось, просить помощи у Бога. И то ли стечение обстоятельств, когда тотчас подоспело подкрепление, то ли действительно милость Всевышнего, только согласно данному тогда обету по возвращении Леонид зашёл в храм и перед ликом Спасителя с благодарностью от всего сердца за спасение возжёт тридцать три свечи, как умел, истово помолился.

Вечером на исповеди пред аналоем неожиданно всплыл перезабытый грех юности, обостривший гадливое ощущение трусости. О чём тут же поведал иерею батюшке, принимавшему исповедь, который сказал: «Надо попросить у неё прощения, — и, неожиданно предупредив вопрос, добавил: — она жива».

Был тёплый солнечный день. Евгения Петровна, уже и не Якушева, стояла с мужем на торговой площади энского городка, поджидая маршрутное такси. Внезапно к ней подошёл пожилой седовласый человек в форме войскового майора. «Простите, Вы, случаем, не Женя Якушева? — тут его внимание привлёк обернувшийся муж, и он добавил: — в девичестве, разумеется». Евгения Петровна пристально взглянула на военного, в котором с трудом угадывался одноклассник Лёнька Зубков. Те же прямые, как у коровы, ресницы слегка прикрывают некогда блестящую смородину глаз, да и в фигуре, несмотря на военную статью, просматривается знакомая долговязость. «А Вы, должно быть, Леонид Зубков?» И вдруг войсковой майор Леонид Зубков снял перед Женей Якушевой фуражку и принародно подломил колени: «Женя, прости меня великодушно!» Евгения Петровна от неожиданности отпрянула назад и удивлённо вскинула брови: «Бог с Вами, за что!?» В это время подошёл не менее удивлённый муж и взял жену под локоть. «А помнишь, мы в шестом классе на «матане» ехали домой, и из рогатки тебе стрельнули в щёку проволочной пулькой? Ты тогда всю дорогу проплакала. Так вот: стрелявшим был я, помнишь?» Евгения Петровна несколько стушевалась от происходящего, невольно ладонью скользнула по щеке, на которой еле заметно обозначилась тёмная метка, но, совладав с собой, вполне спокойно и убедительно ответила: «Лёня, честное слово, не помню». Леонид Сергеевич Зубков поднялся с колен, взял руку Евгении Петровны и, нежно поцеловав, сказал: «Зато я не забыл».